Сергей Мартинсон 14/II-88г

14 ФЕВ 1988 Тамбовская правда г. Тамбов

4 стр.

В зеркале сцены

ИЗ КНИГИ РЕЖИССЕРА

В МОЕМ дневнике запись: 8 марта. Открытие областной конференции ВТО, посвященной работе театра в сезоне 1947—48 гг. Доклады — Галицкий, Тальников, Марин.

Вспоминаю, что я протестовал, резонно считая, что сезон еще не завершен, впереди несколько капитальных постановок, но — перестройка! Надо посоветоваться, как ее лучше проводить.

Я чувствовал, что вокруг меня создается «оппозиция недовольных», видел, как шушукались по углам, знал, что бегали в обком, но не ожидал, что на меня накинутся с такой силой, как получилось на этой конференции.

Приглашенный на просмотр критик и литературовед Давид Лазаревич Тальников, тот самый, которому некогда Маяковский посвятил несколько уничтожающих строк («так писать неопрятно, от вас по журналам пятна»), оказался симпатичным, плотненьким, лысеньким светловолосым толстячком, весьма эрудированным и осторожным в оценках. «Большой судьбе», которую он смотрел 6 марта и тут же разобрал в коллективе, досталось: была обругана и сама пьеса, и режиссерское решение. После разбора режиссер Шушкин пришел ко мне и, стесненно ежась, подал заявление об уходе. Мы его не задерживали. Больших удач от него ожидать нельзя было.

7 марта Тальников смотрел «Молодую гвардию», и был более благосклонен. Работы молодежи оценил высоко, «старикам» сделал несколько замечаний, очень похвалил финал.

Я пришел на открытие конференции сразу после репетиции «Бесприданницы», усталый и в дурном расположении духа. Против меня в красном уголке, заполненном до отказа, сидела труппа. Лица актеров. Разность отношения так и читалась на них. Скептические, иронические, скучающие, поддерживающие лица... Доклад вышел ватным. Настаивал на том, что коллективу надо учиться, надо принимать новую веру, искать сценическую Правду и Простоту, этого требуют новые пьесы, в большинстве своем слабые, нуждающиеся в коррекции, наполнении житейским опытом артиста. Предложил днями собрать производственное совещание труппы по репертуару, нуждающемуся в пересмотре, требовал дисциплины и сознательного отношения к новому этапу театральной жизни. Тальников, посмотревший только два спектакля, сказал, что театр «в процессе» и усилия руководства идут в правильном направлении.

Третье сообщение делал Марин. Он с неожиданным темпераментом накинулся на меня. Обвинял в диктаторстве, неверном распределении ролей, «не нашел контакта с организациями театра», «обижает людей» и все такое в хулительном роде. Когда Тальников бросил реплику во время самого ораторского «кресчендо»: «Это не театральная конференция, а избиение художественного руководства», Марин сбавил пыл и закончил свою «обличительную» речь мотивом: «Нельзя не признаться, нельзя не сознаться, но надо иметь в виду». В общем, как я понял, «старики» предупредили меня. Выступило еще два оратора: Лядов — его жену обошли ролью, Герц — он не признан мной как режиссер, и это его озлобило, а в целом — нападки из-за новшеств в режиссуре и творческом процессе репетиции, с трудом им дававшимся. Все эти речи фиксировала в блокноте инструктор обкома, молодая женщина, ни слова не проронившая до конца собрания. Народ, то есть актеры, безмолвствовал.

А сборы не поднимались. Коллектив затрачивал громадные усилия, чтобы выполнять финансовый план. Надо отдать справедливость новому нашему директору: Вячеслав Алексеевич Кропотов сам много ездил, напряженно ища новые площадки, и гонял своих подчиненных. Радиус наших поездок неуклонно расширялся. Однажды в разговоре со мной Кропотов поделился одной из своих идей:

— Я думаю, надо приглашать в наши спектакли гастролеров из Москвы. Вот «Бесприданница» — если пригласить Алисову на роль Ларисы, а на Карандышева — Мартинсона? Как вы думаете? Спектакль уже прошел восемнадцать раз, и интерес к нему падает...

Я его понимал. Как он мог думать иначе, имея в своем прошлом опыт эстрадного администратора? Там было всего важнее заполучить гастрольную звезду, заезжую знаменитость. Деньги сами потекуют в кассу.

Гораздо труднее привлечь публику хорошей постановкой дела, слаженной игрой артистов, выбором интересных пьес, культурой приема зрителей. Но на это нужны годы упорного целенаправленного труда. А дело надо было поправлять сейчас, сегодня же. Скрепя сердце я согласился. Про себя думал, что пробудить интерес к театру, наладить посещаемость можно и таким способом в числе прочих. Важно создать плотный зрительский интерес, культурный навык.

И вот городские стенды заклеили афиши: «Бесприданница». Гастроли Н. У. Алисовой и С. В. Мартинсона». Публика повалила в кассу. Мало кто не смотрел знаменитую картину Протазанова, и популярность Мартинсона благодаря кино тоже была велика.

Утром, в день спектакля, прибыли наши гастролеры. На сцене стояло оформление первого акта. Актеры одеты и загримированы. Я их встретил у подъезда и привел в гримировочные первого этажа. Алисова приветлива, улыбчата и проста в обращении. Сергей Владимирович — рыжий, носатый, маленькие веселые глазки, гривка редких волосиков и чудесный, в нос, говор москвича. Быстро знакомлю их с труппой. Они хотят посмотреть акт до их выхода. Соглашаюсь, хотя с тревогой посматриваю на часы. Уже больше одиннадцати, репетиция может затянуться, а вечером спектакль.

Но вот их выход. Алисова в репетиционной длинной юбке, с зонтиком в руке. Мартинсон в своем костюме. Она проходит к беседке, Карандышев с Огудаловой — за свободный столик. Наконец Карандышев и Лариса остаются одни. «Я сейчас все за Волгу смотрела: как там хорошо, на той стороне! Поедемте поскорее в деревню!»

Я сижу за столиком на авансцене, актеры — в глубине партера. Ждем. Но они никогда вдвоем в этом спектакле не играли и, очевидно, только успели считать текст. Сразу же обоим стало неудобно.

— Будет лучше, если ты, Сережа, станешь вот здесь.

— Здесь? Гм... А мне кажется, если я буду у столика, а ты у ограды...

Попробовали.

— Нет, нехорошо. Может быть, ты сядешь за стол и возьмешь газету в руки... А я...

Проходит три-четыре минуты. Первая мизансцена еще не найдена. Господи, когда же при таких темпах мы закончим репетицию? Однако сижу, молчу, не вмешиваюсь.

Наконец, Мартинсон:

— Владимир Александрович, а как у вас тут было?

Я показываю. Пробуют.

— Знаешь, Сережа, так хорошо...

— Да, как будто.

Шаг за шагом, эпизод за эпизодом они приняли всю нашу мизансценировку. Возможно, не все им понравилось, но они понимали, что отступать некуда. Мартинсон предложил только одну «очень дорогую ему» мизансцену из московского спектакля. В третьем действии во время званого обеда захмелевший Карандышев в ликующе - восторженном состоянии выбегает с коробкой сигар в руках в гостиную, где уже сидели Паратов, Кнуров, Вожеватов и Робинзон. Наконец, он торжествует! Он — жених Ларисы, он вошел в высшее общество города! Широким жестом Карандышев предлагает гостям испробовать сигары, всячески расхваливая их достоинство. Тут начиналась придуманная актером неожиданность: как бы невзначай Мартинсон наклонял коробку, и сигары дождем высыпались на пол. С трудом опустившись на колени, Карандышев неверными руками пытался собрать и затолкать их обратно. Они вываливались снова и снова, создавая разительный театральный эффект. Смешной и жалкий человечек ползал на коленях перед презиравшими его людьми. Тут ощущалась грядущая катастрофа: Тут была знаменитая, идущая от мейерхольдовской школы «игра с вещью», метафорический знак. Конечно, я согласился и потом с разрешения Сергея Владимировича мизансцена осталась в нашем спектакле.

Репетиция закончилась к двум, так как проходили только их сцены. Но тревога затаилась. Видимо, и Алисова чувствовала себя не вполне уверенно. Мартинсон отправился в гостиницу отдыхать, а Нина Ульяновна попросила меня еще раз пройти монолог последнего акта, когда Лариса делает попытку самоубийства. Мы увлеклись, прошли сцену несколько раз, по точкам — сменам действенных задач. Я почувствовал ее доверие ко мне. Это было началом нашей дружбы.

Вечерний спектакль показал, что репетиция бесследно не прошла. Наши актеры были по-рыцарски внимательны к гастролерам. Гастролеры играли несколько наощупь, что, впрочем, было заметно только нам. Публика приняла их восторженно, были овации и цветы. На втором спектакле даже ощущался ансамбль и пошли новые краски.

Нина Ульяновна играла хорошо, верно, ее рисунок был несколько поблекшим, она предчувствовала, наверное, расставание с ролью, хотя сохранилась вполне, но той дикой и гордой натуры, какую она являла нам в кино, уже не было и не могло быть. Жизнь взяла свой взяток. Осталась только удивительная грация движений. И нелегко ей было вести диалог Островского. Ведь фильм был немым. Но и той части сценического обаяния, что осталось, было достаточно, чтобы пленить публику. Романс спела с большим настроением, аккомпанируя себе на гитаре.

Трудно описать игру Мартинсона. Он являл собой совершенство. Только приблизительно можно рассказать всю непостижимость пластического рисунка роли. Этим отличались все актеры, воспитанные по биомеханической «системе» Мейерхольда. Годы шли, а она в них не умирала. Ильинскому, например, когда он перешел в труппу Малого театра, пришлось в себе все перестраивать и стать другим. Мартинсон из всей плеяды мейерхольдовских актеров наиболее полно сохранил биомеханическую четкость своего тела. Казалось, каждый его жест, движение совершалось кадрированно, целой серией точек, расположенных в пространстве, как бывает только в мультфильмах.

Помню, как через много лет он снова поразил меня. Это было в шестьдесят девятом или семидесятом году, я приехал в Москву и пошел в театр киноактера посмотреть американский мюзикл «Укрощение строптивого». Актеры хорошо играли, недурно пели и танцевали. Сергей Владимирович появился только в начале третьего акта, в роли киномагната, американского миллионера. Его выход начинался с куплетов. Семидесятилетний актер вдохновенно пел и танцевал, продемонстрировав школу четкости и необыкновенной пластичности танца, совершенство подачи текста. Отчетливо помню, как померкли во мне впечатления от всего предыдущего. Я почувствовал крепость актерского тренажа старого мейерхольдовца. Танцы и пение молодых находились на грани профессионализма, и не более. Они пели не фальшивя и танцевали, как их обучили. Он создавал нечто целое, что называлось мастерством. В антракте я побежал за кулисы, тискал Сергея Владимировича в объятиях и тщетно пытался объяснить ему всю прелесть его ритмопластики. Его вызывали на «бис», он не отказался и лихо оттанцевал, улыбаясь зрителям: «Видите, мне совсем нетрудно!»

Но вернусь к гастролям. После спектакля я провожал Алисову и Мартинсона в гостиницу, и так вышло, что мы с ним остались вдвоем. Светила луна, мы бродили по скверу Интернациональной, с упоением вспоминая театр Мейерхольда. Сергей Владимирович рассказывал о его необыкновенных репетициях, станцевал в пустынном сквере американского матроса из «Последнего решительного», я пел ему куплеты одесских беспризорников, и мы расстались на рассвете побратимами. Потом встречались в Москве не раз на улице Горького, где он жил. Он схватывал меня за руку: «Ну, пойдем, пойдем ко мне!» Но разве может заезжий худрук ходить в гости? Да я и остро чувствовал все неравенство наших отношений. Такой свободы, как ночью в тамбовском сквере, уже не возникало во мне.

Три дня гастролей по повышенным ценам дали нам солидный доход, да и гости уехали довольными. Но вот в чем казус: публика снова прихлынула на «Бесприданницу», и упавшие было сборы поднялись. Сравнивали Годлевского с Мартинсоном, и не всегда в пользу последнего. Местный патриотизм?.. Важно то, что театр привлек к себе ленивого и нелюбопытного зрителя.